

A decorative border with intricate floral and scrollwork patterns surrounds the text. The border is composed of four corner pieces and connecting lines, all rendered in a detailed, engraved style.

АЛЕКСАНДР
ДЮМА

ВИКОНТ
ДЕ БРАЖЕЛОН,
ИЛИ
ЕЩЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

ТОМ 1

ИЛЛЮСТРАЦИИ
СТАНИСЛАВА ГУДЕЧЕКА

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Д 96

Перевод с французского
Руководитель проекта *Александр Лютиков*
Оформление обложки *Сергей Шикин*
Иллюстрации в тексте и на вклейке *Станислава Гудечека*

Дюма А.
Д 96 Виконт де Бражелон, или Еще десять лет спустя. Т. 1 : роман / Александр Дюма ; пер. с фр. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 864 с. : ил. + вкл. (16 с.).

ISBN 978-5-389-17340-8 (т. 1)

ISBN 978-5-389-17308-8 (комплект)

«Виконт де Бражелон, или Еще десять лет спустя» — заключительная часть серии романов о трех мушкетерах. И вновь от верных друзей зависит судьба Франции, вновь короля подстерегают враги, сторонники кардинала готовят заговор, и загадочный человек в железной маске вот-вот узурпирует королевский трон. Читателя ожидают невероятные приключения любимых героев (схватки, дуэли, преступления страсти, хитроумные придворные интриги), к которым теперь присоединился сын Атоса — виконт де Бражелон.

Впервые в России роман сопровождается иллюстрациями чешского художника Станислава Гудечека.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-17340-8 (т. 1)
ISBN 978-5-389-17308-8 (комплект)

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

Литературно-художественное издание

АЛЕКСАНДР ДЮМА

ВИКОНТ ДЕ БРАЖЕЛОН, ИЛИ ЕЩЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Том 1

Ответственный редактор *Кирилл Красник*. Художественный редактор *Сергей Шикин*.
Технический редактор *Татьяна Раткевич*. Корректоры *Ирина Жирова*,
Мария Молчанова, *Анна Быстрова*, *Татьяна Бородулина*

Главный редактор *Александр Жикаренцев*

Подписано в печать 08.11.2019. Формат издания 70 × 100 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 64,5 (включая вкл.). Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“». Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

ISBN 978-5-389-17340-8

9

785389 173408

01

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

Y-BNK-25860-01-R

12+

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. Письмо	13
II. Курьер	19
III. Свидание	26
IV. Отец и сын	33
V. Глава, где речь пойдет о Крополи, о Крополе и о великом непризнанном живописце	38
VI. Незнакомец	43
VII. Парри	48
VIII. Каким был его величество Людовик XIV в двадцать два года	54
IX. Глава, где незнакомец из «Гостиницы Медичи» открывает свое инкогнито	62
X. Арифметика кардинала Мазарини	71
XI. Политика кардинала Мазарини	78
XII. Король и лейтенант	85
XIII. Мария Манчини	89
XIV. Король и лейтенант обнаруживают хорошую память	95
XV. Изгнанник	103
XVI. Remember!	108
XVII. Ищут Арамиса, а находят только Базена	116
XVIII. Д'Артаньян ищет Портоса, а находит только Мушкетона	124
XIX. Что д'Артаньян собирался делать в Париже	130
XX. В лавке «Золотой пестик» на улице Менял составляется компания для эксплуатации идеи д'Артаньяна	136

XXI. Д'Артаньян готовится путешествовать по делам торгового дома «Планше и К ^о »	144
XXII. Д'Артаньян путешествует по делам торгового дома «Планше и К ^о »	151
XXIII. Автор против воли принужден заняться немного историей	157
XXIV. Сокровище	167
XXV. Болото	173
XXVI. Сердце и ум	181
XXVII. На другой день	189
XXVIII. Контрабанда	194
XXIX. Д'Артаньян начинает бояться, что деньги его и Планше погибли без возврата	200
XXX. Акции «Планше и К ^о » поднимаются	207
XXXI. Облик Монка обрисовывается	213
XXXII. Атос и д'Артаньян опять встречаются в гостинице «Олений рог»	216
XXXIII. Аудиенция	228
XXXIV. Неудобства богатства	234
XXXV. На канале	240
XXXVI. Каким волшебством д'Артаньян извлек из соснового ящика коттедж	248
XXXVII. Как д'Артаньян уладил с пассивом общества, прежде чем завести свой актив	254
XXXVIII. Глава, из коей явствует, что французский лавочник уже успел восстановить свою честь в семнадцатом веке	260
XXXIX. Игра Мазарини	266
XL. Государственное дело	270
XLI. Рассказ	275
XLII. Мазарини становится мотом	280
XLIII. Гено	283
XLIV. Кольбер	287
XLV. Исповедь честного человека	291
XLVI. Дарственная	296
XLVII. Как Анна Австрийская дала Людовику XIV один совет, а господин Фуке — совсем иной	300
XLVIII. Агония	308

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I. Первое появление Кольбера	319
II. Первый день царствования Людовика XIV	325
III. Страсть	330

IV. Урок д'Артаньяна	335
V. Король	341
VI. Поместье господина Фуке	356
VII. Аббат Фуке	365
VIII. Вино Лафонтена	371
IX. Галерея в Сен-Манде	374
X. Эпикурейцы	377
XI. Опоздал на четверть часа	381
XII. План сражения.	386
XIII. Кабачок под вывеской «Нотр-Дам»	389
XIV. Да здравствует Кольбер.	395
XV. О том, как бриллиант д'Эмери попал в руки д'Артаньяна.	401
XVI. Какую существенную разницу нашел д'Артаньян между монсеньором суперинтендантом и господином интендантом.	408
XVII. Философия сердца и ума.	414
XVIII. Путешествие.	416
XIX. Д'Артаньян знакомится с поэтом, который сделался наборщиком, чтобы печатать свои стихи	420
XX. Д'Артаньян продолжает собирать сведения.	427
XXI. Читатель, несомненно, удивится так же, как и д'Артаньян, встретив старого знакомого	433
XXII. Глава, в которой смутные идеи д'Артаньяна начинают понемногу проясняться	437
XXIII. Крестный ход в городе Ванне	443
XXIV. Величие ваннского епископа	448
XXV. Портос начинает жалеть, что привез д'Артаньяна.	456
XXVI. Д'Артаньян спешит, Портос храпит, а Арамис дает совет	466
XXVII. Фуке действует.	472
XXVIII. Д'Артаньян получает патент на должность капитана	479
XXIX. Влюбленный и дама его сердца	485
XXX. Наконец появляется настоящая героиня этой повести.	491
XXXI. Маликорн и Маникан	497
XXXII. Маникан и Маликорн.	501
XXXIII. Двор особняка Граммона	506
XXXIV. Портрет принцессы	513
XXXV. В Гавре.	519
XXXVI. В море.	522
XXXVII. Палатки	528
XXXVIII. Ночь.	536

XXXIX. Из Гавра в Париж	541
XL. Что думал шевалье де Лоррен о принцессе.	547
XLI. Сюрприз Оры де Монтале	554
XLII. Согласие Атоса.	561
XLIII. Принц ревнует к герцогу Бекингему.	566
XLIV. For ever!	573
XLV. Его величество Людовик XIV находит, что Луиза де Лавальер недостаточно богата и недостаточно красива для такого дворянина, как виконт де Бражелон	579

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I. Бесплезные усилия	587
II. Безмо де Монлезен	600
III. Игра у короля.	607
IV. Мелкие счета господина Безмо де Монлезена	615
V. Завтрак у господина де Безмо	625
VI. Узник второй Бертодьеры	630
VII. Две приятельницы.	638
VIII. Серебро госпожи де Бельер	644
IX. Приданое.	648
X. Божья земля.	654
XI. Тройная любовь.	659
XII. Ревность господина де Лоррена	664
XIII. Принц ревнует к де Гишу.	669
XIV. Посредник	676
XV. Советчики	684
XVI. Фонтенбло	694
XVII. Купание	698
XVIII. Охота за бабочками.	701
XIX. Что можно поймать, охотясь за бабочками.	704
XX. Балет «Времена года»	711
XXI. Нимфы парка Фонтенбло.	717
XXII. О чем говорилось под королевским дубом.	724
XXIII. Беспокойство короля	730
XXIV. Секрет короля.	735
XXV. Ночные похождения	742
XXVI. Ее высочество убеждается, что при желании можно услышать все, что говорится	749
XXVII. Корреспонденция Арамиса	755

XXVIII. Распорядительный приказчик	763
XXIX. Фонтенбло в два часа утра.	770
XXX. Лабиринт	777
XXXI. Как Маликорн был выселен из гостиницы «Красивый павлин»	784
XXXII. Что же в действительности произошло в харчевне «Красивый павлин».	791
XXXIII. Иезуит одиннадцатого года	801
XXXIV. Государственная тайна	806
XXXV. Поручение	816
XXXVI. Счастлив, как принц	824
XXXVII. Рассказ наяды и дриады	838
XXXVIII. Окончание рассказа наяды и дриады	848
XXXIX. Королевская психология	855

I Письмо

В середине мая 1660 года, в девять часов утра, когда солнце, начавшее уже припекать, высушило росу на левкоях Блуаского замка, небольшая кавалькада, состоявшая из трех дворян и двух пажей, проехала по городскому мосту, не произведя большого впечатления на гуляющих по набережной. Они лишь прикоснулись к шляпам со следующими словами:

— Его высочество возвращается с охоты.

И только.

Пока лошади брали крутой подъем от реки к замку, несколько сидельцев подошли к последней лошади, к седлу которой были привешены за клюв разные птицы.

С истинно деревенской откровенностью любопытные выразили пренебрежение к такой скудной добыче и, потолковав между собою о невыгодах охоты влет, вернулись к своим делам.

Только один из любопытных — рослый, краснощекий веселый малый — спросил, почему его высочество, имея возможность хорошо проводить время благодаря своим огромным доходам, довольствуется столь жалким развлечением.

Ему отвечали:

— Разве ты не знаешь, что для его высочества главное развлечение — скука?

Весельчак пожал плечами с жестом, который ясно говорил: «В таком случае я предпочитаю быть лавочником, а не принцем».

И каждый вернулся к своей работе.

Между тем его высочество продолжал свой путь с таким задумчивым и в то же время величественным видом, что, верно, ему изумились бы зрители, если бы таковые были; но жители Блуа не могли простить герцогу того, что он выбрал их веселый город, чтобы скучать там без помехи. Завидев скучающего принца, они обыкновенно отворачивались, зевая, или отходили от окон в глубину комнат, точно избегая усыпительного влияния этого вытянутого, бледного лица, сонных глаз и вялой походки. Таким образом, достойный принц мог быть почти уверен, что никого не увидит на улицах, если вздумает прогуляться.

Конечно, со стороны жителей Блуа это являлось преступной непочтительностью: его высочество был первым вельможей Франции после короля, а может быть, и включая короля. Действительно, если Людовик XIV, тогда царствовавший, имел счастье родиться сыном Людовика XIII, то его высочество имел честь родиться сыном Генриха IV. Следовательно, жители Блуа должны были гордиться предпочтением, которое герцог Гастон Орлеанский оказал их городу, поселившись со своим двором в старинном Блуаском замке.

Но такова была судьба этого высокородного принца: он никогда не возбуждал внимания и удивления толпы. С течением времени он привык к этому. Может быть, именно этим объясняется его равнодушный и скучающий вид. Прежде он был очень занят. Казнь доброй дюжины его лучших друзей причинила ему немало хлопот. Но со времени вступления кардинала Мазарини в министерство казни прекратились, его высочество остался без всякого занятия, и это отражалось на его настроении.

Жизнь бедного принца протекала очень скучно. По утрам он охотился на берегах Бёвропа или в роцце Шеверни, потом переправлялся через Луару и завтракал в Шамборе, с аппетитом или без аппетита; и до следующей охоты жители Блуа ничего не слышали о своем владыке и господине.

Вот как принц скучал *extra muros*¹; что же касается его скуки в стенах города, то мы дадим о ней понятие читателю, если он потрудится последовать вместе с нами за кавалькадой к величественному входу в Блуаский замок.

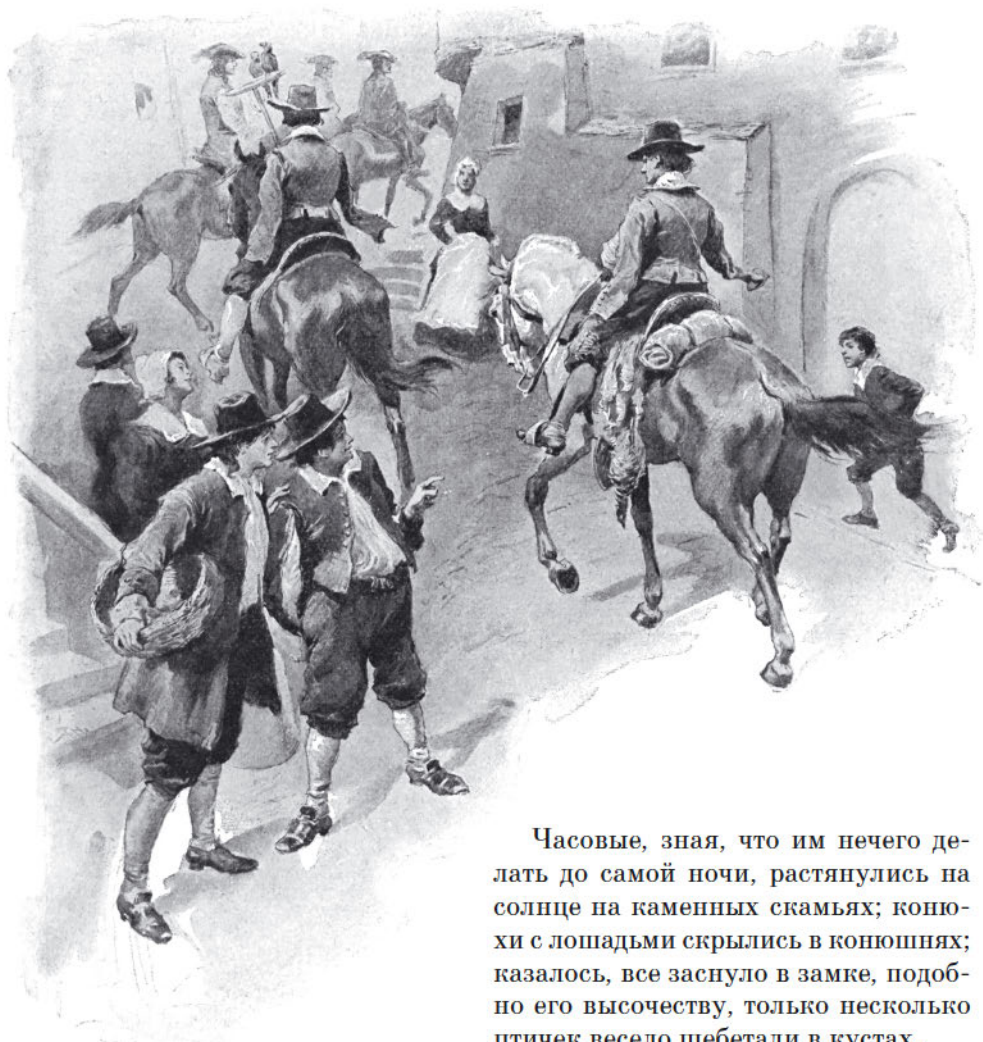
Его высочество ехал верхом на маленькой рыжей лошади, в большом седле красного фландрского бархата со стремянами в форме испанского сапога. Пунцовый бархатный камзол принца, под плащом такого же цвета, сливался с седлом, и благодаря этому красному цвету принц выделялся среди своих спутников, из которых один был в лиловом, другой в зеленом платье. Человек в лиловом, шталмейстер, ехал по левую руку, обер-егермейстер в зеленом — по правую.

Один из пажей держал на шесте с перекладиной двух соколов. У другого в руке был охотничий рог; шагах в двадцати от замка он лениво затрубил. Все окружающие ленивого принца делали свое дело тоже лениво. Услышав сигнал, восемь часовых, гулявших на солнце в квадратном дворе, схватили алебарды, и его высочество торжественно вступил в замок.

Когда герцог въехал во двор, мальчишки, которые мчались за кавалькадой, указывая друг другу на убитых птиц, разбежались, отпуская замечания по поводу увиденного. Улица, площадь и двор опустели.

Его высочество молча сошел с лошади, проследовал в свои покои, где слуга подал ему переодеться, и так как ее высочество еще не прислала известить о завтраке, то его высочество опустил в кресло и заснул так крепко, как будто было одиннадцать часов вечера.

¹ Вне стен города (*лат.*).

Часовые, зная, что им нечего делать до самой ночи, растянулись на солнце на каменных скамьях; конюхи с лошадьми скрылись в конюшнях; казалось, все заснуло в замке, подобно его высочеству, только несколько птичек весело щебетали в кустах.

Вдруг среди этой сладостной тишины раздался взрыв звонкого смеха, заставивший нескольких солдат, погруженных в сон, открыть глаза.

Смех неся из одного окна замка, в которое в этот момент заглядывало солнце, заключая его в огромный светлый угол, какие около полудня чертят на стенах профили крыш.

Узорчатый железный балкончик перед этим окном украшали горшки с красными левкоями, примулами и ранними розами, чья зелень, густая и сочная, пестрела множеством маленьких красных блестящих точек, обещавших превратиться в цветы.

В комнате, которой принадлежало это окно, виднелся четырехугольный стол, покрытый старой харлемской скатертью с крупным цветочным узором. Посреди стола стоял глиняный кувшин с длинным горлышком; в нем были ирисы и ландыши. По обе стороны стола сидели две девушки.

Держали они себя довольно странно: их можно было принять за пансионеров, бежавших из монастыря. Одна, положив локти на стол, старательно выводила буквы на роскошной голландской бумаге; другая, стоя на коленях на стуле, нагнулась над столом и смотрела, как пишет ее подруга. Они смеялись, шутили и наконец захохотали так громко, что вспугнули птичек, игравших в кустах, и прервали сон гвардии его высочества.

Раз уж мы занялись портретами, то да будет нам позволено написать еще два — последние в этой главе.

Стоявшая на коленях на стуле шумливая хохотунья, красавица лет девятнадцати-двадцати, смуглая, черноволосая, сверкала глазами, которые сияли из-под резко очерченных бровей; ее зубы блестели, как жемчуг, меж коралловых губ. Каждое ее движение казалось вспышкой молнии; она не просто жила в это мгновение, она вся кипела и пылала.

Та, которая писала, глядела на свою неугомонную подругу голубыми глазами, светлыми и чистыми, как небо в тот день. Ее белокурые пепельные волосы, изящно причесанные, обрамляли мягкими кудрями перламутровые щечки; ее тонкая рука, лежавшая на бумаге, свидетельствовала о крайней молодости. При каждом взрыве смеха приятельницы она с досадой пожимала нежными белыми плечами, которым, так же как рукам, недоставало еще округлости и пышности.

— Монтале! Монтале! — сказала она наконец приятным и ласковым голосом. — Вы смеетесь слишком громко, точно мужчина; на вас не только обратят внимание господа караульные, но вы, пожалуй, не услышите звонка ее высочества.

Девушка, которую звали Монтале, не перестала смеяться и шуметь после этого выговора. Она лишь ответила:

— Луиза, дорогая, вы говорите не то, что думаете. Вы знаете, что господа караульные, как вы их называете, теперь заснули и что их не разбудишь даже пушкой; колокол ее высочества слышен даже на Блуаском мосту, и, стало быть, я услышу, когда мне нужно будет идти к ее высочеству. Вам просто мешает, что я смеюсь, когда вы пишете: вы боитесь как бы госпожа де Сен-Реми, ваша матушка, не пришла к нам, — что она иногда делает, когда мы смеемся слишком громко, — не застала нас врасплох и не увидела этого огромного листа бумаги, на котором за четверть часа написано только «Господин Рауль». И вы совершенно правы, милая Луиза: после этих двух слов можно написать много других, таких значительных и пламенных, что ваша добрая матушка получит полное право метать громы и молнии. Не так ли? Отвечайте.

И тут Монтале расхохоталась еще громче.

Блондинка обиделась не на шутку. Она разорвала лист, на котором красивым почерком действительно было написано «Господин Рауль», и, смяв бумагу дрожащими пальцами, бросила ее за окно.

— Вот как! — сказала Монтале. — Наша овечка, наша голубка рассердилась!.. Не бойтесь, Луиза: госпожа де Сен-Реми не придет, а если бы

и вздумала прийти, так вы знаете — у меня тонкий слух. Притом же вполне позволительно писать старому другу, которого знаешь двенадцать лет, особенно когда письмо начинается словами: «Господин Рауль!»

— Хорошо, я не буду писать ему, — проговорила Луиза.

— Ах, как я наказана! — воскликнула с хохотом черноглазая насмешница. — Ну, берите скорей другой лист бумаги, и сейчас допишем письмо... Ах! Вот и колокол гудит!.. Ну, да мне все равно! Герцогиня подождет или обойдется сегодня без своей фрейлины!

В самом деле, колокол звонил. Это значило, что герцогиня кончила свой туалет и ждет его высочество, который обыкновенно вел ее под руку из гостиной в столовую.

После этой церемонии супруги завтракали и опять расставались до обеда, подававшегося обычно ровно в два часа.

При звуке колокола в кухне, на левой стороне двора, отворилась дверь, и в ней показались два дворецких и восемь поварят. Они несли подносы с кушаньями на блюдах, покрытых серебряными крышками.

Один из дворецких, видимо старший по чину, молча коснулся жезлом караульного, громко храпевшего на скамейке. Он даже был так добр, что подал ему алебарду, стоявшую у стены. Солдат, опалевший от сна, не спрашивая объяснений, проводил до столовой слуг, несших яства, предназначенные для его высочества; впереди шли паж и двое дворецких.

Когда блюда проносили мимо часовых, они отдали честь.

Монтале и ее подруга смотрели из окна на подробности этого церемониала, хотя давно уже привыкли к нему. Впрочем, их любопытство вызывалось только желанием убедиться в том, что их оставили в покое. Когда поварята, солдаты, пажи и дворецкие прошли, они опять сели к столу и солнце, на мгновение осветившее эти два прелестных личика, теперь опять озяряло только левкои, примулы и розы.

— Ну, — сказала Монтале, устраиваясь по-прежнему, — ее высочество позавтракает и без меня.

— Ах, Монтале, ведь вас накажут! — отвечала блондинка, усаживаясь на свое место.

— Накажут? Это значит, что меня не повезут на прогулку. Да я только этого и хочу! Ехать в огромной колымаге, держась за дверцу, поворачивать то направо, то налево по скверной дороге, по которой едва можно проехать мило в два часа; потом возвращаться к тому флигелю, где окно Марии Медичи, причем герцогиня непременно скажет: «Кто поверит, что через это окно бежала королева Мария! Сорок восемь футов высоты! А она была матерью двух принцев и трех принцесс», — какое развлечение! Нет, Луиза, пусть меня наказывают каждый день, особенно когда наказание доставляет мне возможность побыть с вами и писать такие занимательные письма.

— Монтале! Монтале! Надо исполнять свои обязанности.

— Хорошо вам, друг мой, говорить об обязанностях, когда вы пользуетесь полной свободой при дворе. Только вы одна получаете все выгоды и не несете никаких тягот: вы больше, чем я, фрейлина герцогини, потому что она переносит на вас свое расположение к вашему отчиму. Вы клуете зернышки в этом печальном доме, точно птички на нашем дворе, вдыхаете воздух, наслаждаетесь цветами и ничего не делаете. И вы же говорите мне, что надо исполнять свои обязанности! Скажите, моя прелестная ленивица, какие у вас обязанности? Писать красавцу Раулю? Но вы и ему не пишете, — значит, вы тоже немножко пренебрегаете своими обязанностями...

Луиза приняла серьезный вид, оперлась подбородком на ладонь и сказала:

— Упрекать меня за счастливую жизнь! И у вас хватает духа... У вас есть будущность: вы служите при дворе. Когда король женится, он призовет к себе его высочество и вы увидите великолепные празднества, увидите короля... Говорят, он так хорош, так мил...

— А кроме того, я увижу Рауля, который служит у принца, — лукаво прибавила Монтале.

— Бедный Рауль! — вздохнула Луиза.

— Пора писать ему, душенька! Ну, начинайте опять со слов «Господин Рауль», так красиво выведенных на листке, который вы разорвали.

Она подала подруге перо, улыбкой стараясь ее приободрить.

Та написала знакомые нам слова.

— А теперь что? — спросила блондинка.

— Теперь пишите то, что думаете, Луиза, — отвечала Монтале.

— Уверены ли вы, что я думаю о чем-то?

— Вы думаете о ком-то, а это одно и то же, и даже хуже.

— Вы уверены в этом, Монтале?

— Луиза, Луиза, ваши голубые глаза глубоки, как море, которое я видела в Булони в прошлом году. Нет, я ошибаюсь, море коварно, а ваши глаза чисты, как лазурь вон там, над нашими головами.

— Если вы так хорошо читаете в моих глазах, то скажите, что я думаю.

— Во-первых, вы не думаете: «Господин Рауль»; вы думаете: «Мой милый Рауль».

— О!

— Не краснейте из-за пустяков. Вы думаете: «Мой милый Рауль, вы умоляете меня писать вам в Париж, где вас удерживает служба у принца. Должно быть, вам очень скучно, если вы ищете развлечения в воспоминании о провинциалке...»

Луиза вдруг встала.

— Нет, Монтале, — сказала она с улыбкой, — нет, я думаю совсем другое. Смотрите, вот что я думаю...

Она храбро взяла перо и твердой рукой написала следующие строки:

Я была бы очень несчастлива, если бы Вы не так горячо просили меня вспоминать о Вас. Здесь все говорит мне о первых годах нашей дружбы, так быстро промелькнувших, так незаметно улетевших, и никогда ничто не истребит их очарования в моем сердце.

Монтале, следившая за быстрым полетом пера и читавшая по мере того, как ее подруга писала, захлопала в ладоши.

— Давно бы так! — воскликнула она. — Вот искренность, вот чувство, вот слог! Покажите, милая, этим парижанам, что Блуа — родина хорошего стиля.

— Он знает, что для меня Блуа — земной рай, — ответила блондинка.

— Вот я и говорю. Ангел не мог бы выразиться более возвышенно.

— Я кончаю, Монтале.

И она продолжала писать:

Вы говорите, Рауль, что думаете обо мне. Благодарю Вас, но это не может удивить меня: ведь я знаю, сколько раз наши сердца бились одно возле другого.

— О, — сказала Монтале, — овечка моя, берегитесь волков!

Луиза хотела ответить, как вдруг у ворот замка раздался конский топот.

— Что такое? — удивилась Монтале, подходя к окну. — Право, красивый всадник.

— Ах, Рауль! — воскликнула Луиза, тоже приблизившись к окну.

Она побледнела и в сильном волнении опустила на стул подле не дописанного письма.

— Вот молодец! — засмеялась Монтале. — Он явился очень кстати.

— Отойдите от окна... Отойдите, умоляю вас! — прошептала Луиза.

— Ну вот! Он не знает меня, дайте же мне посмотреть, зачем он сюда приехал.

II Курьер

Монтале сказала правду: приятно было взглянуть на молодого всадника.

На вид ему было лет двадцать пять. Высокий, стройный, он ловко носил тогдашнюю красивую военную форму. Высокие ботфорты с раструбами облегли ногу; от такой ноги не отказалась бы сама Монтале, если бы вздумала нарядиться в мужской костюм. Тонкой, но сильной рукой он остановил лошадь посреди двора; потом приподнял шляпу с перьями, бросившую тень на его серьезное и вместе с тем простодушное лицо.

Солдаты проснулись от конского топота и вскочили со скамеек.

Один из них подошел к молодому всаднику, который наклонился к нему и сказал голосом таким чистым и звонким, что его услышали даже девушки у своего окна:

— Курьер к его королевскому высочеству!..

— Господин офицер! — закричал часовой. — Курьер приехал!

Но солдат знал, что никто не придет. Единственный офицер жил в глубине замка, в квартире, выходившей в сад.

Поэтому солдат прибавил:

— Господин шевалье, офицер проверяет посты, я доложу о вас господину де Сен-Реми, дворецкому.

— Де Сен-Реми! — повторил всадник, краснея.

— Вы его знаете?

— Знаю... Сообщите ему поскорее, чтобы обо мне тотчас доложили его высочеству.

— Значит, дело, должно быть, спешное, — сказал солдат как бы про себя, но надеясь на ответ.

Всадник кивнул.

— В таком случае, — продолжал часовой, — я сам пойду к дворецкому.

Тем временем молодой человек спрыгнул на землю, и, покуда другие солдаты с любопытством следили за каждым движением статной лошади, принадлежащей новоприбывшему, часовой, отошедший было на несколько шагов, вновь вернулся, чтобы промолвить:

— Позвольте узнать ваше имя.

— Виконт де Бражелон, от его высочества принца Конде.

Солдат низко поклонился и, как будто имя победителя при Рокруа окрылило его, взбежал по ступеням лестницы в переднюю.

Не успел виконт де Бражелон привязать лошадь к железным перилам крыльца, как к нему выбежал запыхавшийся Сен-Реми, придерживая одной рукой толстый живот, а другой рассекая воздух, как гребец рассекает воду веслом.

— Виконт! Вы здесь, в Блуа? — воскликнул он. — Какое чудо! Здравствуйте, господин Рауль, здравствуйте!

— Мое почтение, господин де Сен-Реми.

— Как госпожа де Лаваль... я хочу сказать, как госпожа де Сен-Реми будет счастлива, когда увидит вас! Но пойдёмте! Его высочество завтракает. Надо ли тревожить его? Дело у вас важное?

— Да как сказать... Возможно, что минута промедления не понравится его высочеству.

— Если так, нарушим правила. Пойдёмте, виконт! Впрочем, его высочество сегодня в хорошем расположении духа... И притом вы привезли нам новости?

— Очень важные.

— И вероятно, хорошие?

— Самые приятные.

— Так идёмте скорей! Как можно скорей! — вскричал добряк, поправляя на ходу свой костюм.

Рауль шел за ним со шляпой в руке, немного смущенный торжественным звоном шпор по паркету огромных зал.

Как только он вошел во дворец, в знакомом нам окне опять показались головки, и оживленный шепот выдал волнение девушек. Видимо, они приняли какое-то решение, потому что черноволосая головка исчезла, а белокурая осталась в окне, прячась за цветами и внимательно глядя сквозь листья на крыльцо, по которому виконт вошел во дворец.

Между тем виконт, явившийся причиной всех этих волнений, шел следом за дворецким. По донесшемуся к нему шуму торопливых шагов, аромату вин и кушаний, звону бокалов и посуды он понял, что приближается к цели. Пажы, служители и лакеи, находившиеся в комнате перед столовой, встретили гостя с учтивостью жителей этого края, вошедшей в пословицу. Некоторые были знакомы с Раулем, и почти все знали, что он приехал из Парижа. Можно сказать, что его появление нарушило на минуту перемену блюд.

Паж, наливавший вино его высочеству, услышав звон шпор в соседней комнате, обернулся с детским любопытством и не заметил, что льет вино уже не в стакан герцога, а на скатерть.

Герцогиня, не столь поглощенная своими мыслями, как ее достославный супруг, заметила рассеянность пажа.

— Что такое? — спросила она.

— Что такое? — повторил герцог. — Что там случилось?

Сен-Реми воспользовался удобной минутой и просунул голову в дверь.

— Зачем меня беспокоят? — спросил герцог, кладя на тарелку солидный кусок одного из самых огромных лососей, которые когда-либо поднимались вверх по Луаре, дабы попасться на удочку где-то между Пенбёф и Сен-Назер.

— Приехал курьер из Парижа. Но он может подождать, пока завтрак...

— Из Парижа! — удивился герцог, роняя вилку. — Курьер из Парижа, говорите вы? А от кого?

— От принца, — поспешил сообщить дворецкий.

Принцем называли в те времена принца Конде.

— Курьер от принца? — сказал герцог с беспокойством, замеченным всеми присутствующими и удвоившим общее любопытство.

У герцога мелькнула, быть может, мысль, что вернулись те блаженные времена заговоров, когда каждый стук двери приводил его в волнение, каждое письмо заключало в себе государственную тайну, каждый курьер был орудием опасной и запутанной интриги. Может быть, само имя великого принца встало под сводами Блуаского замка точно привидение.

Герцог отодвинул тарелку.

— Прикажете курьеру подождать? — спросил де Сен-Реми.

Взгляд герцогини придавал герцогу энергию, и он ответил:

— Нет-нет! Наоборот, позовите его сейчас же! Кстати, а кто он?

— Здешний дворянин, виконт де Бражелон.

— А, очень хорошо... Введите его, Сен-Реми, введите!

Произнеся эти слова с обычной важностью, герцог бросил взгляд на всех находившихся в столовой, и все они — пажи, служители и конюшие, — побросав салфетки, ножи и стаканы, беспорядочной толпой быстро скрылись в соседней комнате.

Столовая была пуста, когда Рауль де Бражелон вслед за Сен-Реми вошел туда.

Оставшись один, герцог успел придать своему лицу подобающее выражение. Он не повернулся, ожидая, пока дворецкий подведет к нему курьера. Рауль остановился у конца стола, между герцогом и его супругой. Затем он низко поклонился его высочеству, почтительно — ее высочеству, выпрямился и стал ждать, когда герцог заговорит. Герцог, со своей стороны, ждал, пока запрут двери. Он не хотел оборачиваться, чтобы убедиться, закрыты ли они. Такое движение было бы недостойно его; но он напряженно прислушивался, щелкнул ли замок, что сулило ему хоть видимость тайны.

Когда заперли дверь, герцог поднял глаза на виконта и спросил:

— Вы, кажется, из Парижа.

— Только что, ваше высочество.

— Здоров ли король?

— Вполне.

— А королева?

— Ее величество все еще страдает грудью. Но теперь уже с месяц, как ей несколько лучше!

— Мне доложили, что вы приехали ко мне от принца. Это, верно, ошибка!

— Нет, ваше высочество! Принц поручил мне доставить вам это письмо и ждать ответа.

Рауль был несколько смущен столь холодным и церемонным приемом: голос его незаметно понизился, и кончил он почти вполголоса. Герцог заблуждался, что сам был причиной этой таинственности, и им снова овладел страх.

С угрюмым видом принял он письмо принца Конде, распечатал его, точно какой-нибудь подозрительный пакет, и, отвернувшись, чтобы никто не мог заметить выражение его лица, прочел письмо.

Герцогиня следила за всеми движениями своего августейшего супруга с такой же тревогой, какую испытывал он сам.

Рауль бесстрастно, не двигаясь с места, смотрел в открытое окно на сад и на статуи в нем.

— Ах, — вскричал вдруг герцог с сияющей улыбкой. — Вот приятный сюрприз! Премилое письмо от принца! Прочтите сами!

Стол был так широк, что герцог не мог дотянуться до руки герцогини; Рауль поспешил передать письмо и сделал это так ловко, что герцогиня ласково поблагодарила его.

— Вы, верно, знаете содержание письма? — спросил герцог у виконта.

— Знаю, ваше высочество. Сначала принц дал мне поручение на слово; потом передумал и написал письмо.

— Прекрасный почерк, — сказала герцогиня, — но я никак не могу разобрать...

— Прочтите, виконт, — попросил герцог.

Рауль начал читать.

Герцог слушал его очень внимательно.

Вот содержание письма.

Ваша светлость.

Король едет на границу; Вам уже известно, что скоро совершится бракосочетание его величества. Король соизволил назначить меня своим квартирмейстером на время этого путешествия. Зная, как было бы приятно его величеству провести день в Блуа, осмеливаюсь просить Вас позволить мне отметить на моем маршруте Ваш замок. Однако если неожиданность такой просьбы может причинить Вашему королевскому высочеству затруднение, то умоляю Вас уведомить меня через посланного мною курьера, одного из моих офицеров, виконта де Бражелона. Мой маршрут будет

зависеть от решения Вашего королевского высочества: если нельзя ехать на Блуа, я укажу путь через Вандом или Роморантен. Смеею надеяться, что Ваше высочество примет просьбу мою благосклонно, как знак преданности и желания быть Вам приятным.

— Ничего не может быть приятнее, — заметила герцогиня, которая во время чтения несколько раз ловила взгляд мужа. — Король будет здесь! — прибавила она громче, чем следует, когда хотят сохранить тайну.

— Господин де Бражелон, — сказал герцог, в свою очередь, — поблагодарите принца Конде и выразите ему мою признательность за удовольствие, которое он мне доставил.

Рауль поклонился.

— Когда приедет его величество?

— Вероятно, сегодня вечером.

— Как же узнали бы мой ответ, если бы он оказался отрицательным?

— Мне было приказано в этом случае возможно скорее вернуться в Божанси и передать ваш ответ курьеру, который тотчас вручил бы его принцу.

— Значит, король в Орлеане?

— Нет, гораздо ближе; теперь его величество должен быть в Менге.

— Его сопровождает двор?

— Да, ваше высочество.

— Ах! Я и забыл спросить вас о кардинале!

— Его преосвященство, кажется, здоров.

— Его племянницы едут с ним?

— Нет, ваше высочество; его преосвященство приказал господам Манчини отправиться в Бруаж; они поедут по левому берегу Луары, тогда как двор проследует по правому.

— Как! Мария Манчини тоже покидает двор? — спросил герцог, осторожность которого несколько уменьшилась.

— Мария Манчини в первую очередь, — скромно ответил Рауль.

Беглая улыбка, едва заметный след прежней привычки к запутанным интригам, осветила бледное лицо герцога.

— Благодарю вас, господин де Бражелон, — сказал он. — Вы, может быть, не захотите передать принцу другого моего поручения — сообщить, что его посланный очень мне понравился; но я сам скажу ему об этом.

Рауль поклонился в знак благодарности за лестный отзыв.

Герцог подал знак герцогине, и она позвонила. Тотчас вошел Сен-Реми, и комната наполнилась людьми.

— Господа, — объявил герцог, — его величество сделал мне честь, пожелав провести день в Блуа; надеюсь, что король, мой племянник, не будет раскаиваться в милости, которую он оказывает моему дому.

— Да здравствует король! — вскричали с неудержимым восторгом все присутствующие, и прежде всех сам Сен-Реми.

Герцог в мрачном унынии склонил голову. Всю жизнь должен он был слушать, вернее, терпеть эти крики. Давно уже не слышав их, он успоко-

ился; и вот молодой король, более живой и блестящий, чем прежний, вставал перед ним как новая горькая насмешка.

Герцогиня поняла страдания этого боязливового и подозрительного человека. Она встала из-за стола.

Герцог бессознательно последовал ее примеру. Служители, жужжа, как пчелы, окружили Рауля и начали его расспрашивать.

Герцогиня, заметив это, подозвала Сен-Реми.

— Теперь не время болтать, надо приниматься за дело! — сказала она голосом недовольной хозяйки.

Сен-Реми поспешил рассеять кружок, собравшийся около Рауля, и виконт вышел в переднюю.

— Надеюсь, об этом дворянине позаботятся? — прибавила герцогиня, обращаясь к Сен-Реми.

Толстяк побежал за Раулем.

— Герцогиня приказала предложить вам закусить и отдохнуть, — сообщил он, — для вас готова квартира в замке.

— Благодарю вас, господин де Сен-Реми, — отвечал виконт. — Вы знаете, как мне хочется скорее увидеть отца.

— Знаю, знаю, виконт. Прошу вас передать ему мой почтительный поклон!

Рауль распрощался со старым дворянином и пошел своей дорогой. Когда он проходил под воротами, ведя лошадь под уздцы, тонкий голос окликнул его из глубины тенистой аллеи:

— Господин Рауль!

Виконт в изумлении обернулся и увидел черноволосую девушку. Она приложила палец к губам и протянула ему руку.

Этой девушки он не знал.

III Свидание

Рауль подошел к девушке, позвавшей его.

— А как мне быть с лошадью? — спросил он.

— Вот так затруднение!.. В переднем дворе есть конюшня; поставьте туда лошадь и возвращайтесь скорей.

— Повинуюсь!

Рауль сделал все, как было сказано, и вернулся к маленькой двери; тут, в полумраке, он увидел свою таинственную провожатую. Она ждала на первых ступеньках винтовой лестницы.

— Вы не побойтесь пойти за мной, странствующий рыцарь? — рассмеялась девушка, видевшая минутное колебание Рауля.

Вместо ответа он устремился за ней по темной лестнице.

Так прошли они три этажа; каждый раз, ища перил, он касался шелкового платья, которое шелестело впереди по лестнице. Когда Рауль спотыкался, спутница строго произносила «ш-ш» и протягивала ему маленькую нежную ручку.

— Так можно подняться на самый верх башни, не чувствуя усталости, — сказал Рауль.

— Другими словами, вы очень заинтересованы, очень устали и очень взволнованы!.. Успокойтесь, мы пришли!

Девушка отворила дверь, и на площадку лестницы, за перила которой держался Рауль, хлынул поток света.

Брюнетка двинулась вперед; он не отставал. Она вошла в комнату, Рауль — вслед за ней.

Очутившись в западне, он услышал чей-то возглас, обернулся и в двух шагах от себя увидел белокурую голубоглазую красавицу с белоснежными плечами, которая стояла, сложив руки и закрыв глаза.

Во всем ее облике он почувствовал столько любви, столько счастья, что пал перед нею на колени и прошептал ее имя:

— Луиза...

— Ах, Монтале, Монтале! — упрекнула Луиза. — Грех так обманывать людей!

— Я вас обманула?!

— Да. Вы сказали, что пойдете узнать, что там делается, а вместо того привели его сюда!

— Как же иначе? Каким бы образом он получил письмо, которое вы писали?

И Монтале указала на письмо, лежавшее на столе. Рауль бросился к нему, но Луиза, хотя все еще смущенная, быстро протянула руку, желая его остановить. Рауль встретил теплую дрожащую ручку, взял ее и так почтительно поднес к губам, что, казалось, это был не поцелуй, а вздох.

Между тем Монтале взяла письмо, тщательно сложила его втрое, как обыкновенно делают женщины, и спрятала за корсаж.

— Не бойтесь, Луиза, — успокоила ее Монтале, — виконт не возьмет письма, как покойный король Людовик Тринадцатый не брал записок, спрятанных на груди мадемуазель де Отфор.

Рауль покраснел, увидев, что обе девушки смеются, и не заметил, что ручка Луизы осталась в его руках.

— Что же, — спросила Монтале, — вы простили мне, Луиза, что я привела к вам виконта? А вы, сударь, не сердитесь, что пошли за мной и увидели Луизу? Теперь, когда мир заключен, поговорим как старые друзья. Луиза, познакомьте меня с виконтом!

— Виконт, — сказала Луиза со своей серьезной грацией и невинною улыбкою, — имею честь представить вам Ору де Монтале, приближенную ее королевского высочества и мою подругу, мою милую подругу.

Рауль церемонно поклонился.

— А меня, Луиза, вы не представите вашей приятельнице? — спросил он.

— О, она вас знает! Она знает все!

Эти наивные слова заставили Монтале рассмеяться, а Рауля вздохнуть от радости. Он понял их так: поскольку она мой друг, то знает *все о нашей любви*.

— Теперь церемонии кончены, виконт, — сказала Монтале. — Вот кресло; садитесь и скажите нам скорее, какое известие привезли вы так поспешно?

— Теперь оно уже не тайна, сударыня. Король по дороге в Пуатье останется в Блуа, чтобы навестить его королевское высочество.

— Король будет здесь! — воскликнула Монтале, хлопая в ладоши. — Мы увидим двор! Понимаете вы, Луиза? Настоящий парижский двор! Боже мой! Но когда же?

— Может быть, сегодня вечером, сударыня, а завтра наверное.

Монтале с досадой махнула рукою:

— Нет времени одеться! Некогда приготовить платья! Мы здесь отстаем от мод, как польки. Мы будем похожи на портреты времен Генриха Четвертого... Ах, виконт, вы привезли плохую новость!..

— Вы будете хороши во всяком наряде.

— Какой избитый комплимент!.. Мы будем хороши, потому что природа создала нас достаточно привлекательными; но мы будем смешны, потому что мода забыла нас... Смешны!.. Я покажусь смешною!..

— Кому? — удивилась Луиза.

— Кому? Какая вы странная, милая моя! Можно ли задавать такой вопрос!.. Кому... Всем... Придворным кавалерам, вельможам, королю.

— Простите меня, Монтале, но если здесь все привыкли видеть нас такими...

— Правда, но теперь все это переменится, и мы будем смешными даже в Блуа; ведь все увидят парижские моды и поймут, что мы одеты, как провинциалки! Это приводит меня в отчаяние!

— Утешьтесь, сударыня!

— А впрочем, тем хуже для тех, кому я не поправлюсь! — философски заявила Монтале.

— Ну, таких будет трудно найти! — возразил Рауль, верный своей неизменной любезности.

— Благодарю, виконт! Так вы говорите, что король приедет в Блуа?

— Со всем двором.

— И с Манчини?

— Нет, без них.

— Но, говорят, король не может расстаться с Марией Манчини?

— Однако ему придется обойтись без нее. Так угодно кардиналу. Он послал своих племянниц в Бруаж!

— О, лицемер!

— Тише! — сказала Луиза, прикладывая палец к розовым губам.

— Здесь меня никто не слышит! Я говорю, что старый Мазарино Мазарини — лицемер: он спит и видит, как бы сделать племянницу французской королевой.